

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ

Война и террор в восприятии
россиян эпохи осажденной
крепости

Андрей Колесников

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ

**Война и террор в восприятии
россиян эпохи осажденной
крепости**

Андрей Колесников

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке, иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2016

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение. Война в советском и постсоветском сознании	3
Продажа войны	6
Конец постгероической эпохи	9
Телевизионный пульт как инструмент «управления» войнами	11
Сирийский кейс	12
Угроза террора: еще один повод для доверия власти	14
«Мир живет под диктовку США»	15
Мифология перманентной войны	20
Примечания	23
Московский Центр Карнеги	27

Об авторе

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета.Ру», член правления Фонда Егора Гайдара.

Краткое содержание

Уже больше двух лет война и террор для России не только повседневная рутина, но и факторы, стимулирующие массовую поддержку сегодняшнего политического режима. Механика этой поддержки и особенности массовых представлений о военной «повестке», «продажа войны» пропагандой, оценка и восприятие россиянами крымской, донбасской, сирийской кампаний и торговой и информационной войны с Турцией многое объясняют в природе современной российской внутренней и внешней политики.

Ключевые темы исследования

- Значение войны для российского массового сознания трудно переоценить. Память о Великой Отечественной всегда была и остается основой единства нации, и в мифологизированных представлениях о ней советская, а теперь и российская власть черпают свою легитимность.
- Восприятие войны россиянами с советских лет практически не изменилось.
- Российские власти используют технологии продажи угроз, в том числе продажи войны, гражданам России.
- Сегодняшние войны, равно как и войны вчерашние, являются по отдельности или одновременно холодными, горячими, информационными, торговыми и т.д. Они всегда требовали пропагандистского обеспечения и нередко выполняли функцию сплочения нации.
- Важнейшее свойство современной войны — виртуализация, она транслируется в СМИ; эта виртуальная война, в которой как будто бы нет потерь с российской стороны, способствует поддержке власти населением.

Основные выводы исследования

- Военные действия и операции в Крыму, Донбассе, Сирии, а также информационная и торговая война с Турцией являются для российского массового сознания символической компенсацией экономического

кризиса в России. При этом качественные исследования показали, что сами граждане воспринимают военные операции по-другому — в их глазах они просто необходимы и самоценны. Большинство граждан России не считают войны последних лет настоящими, «большими» войнами, то есть войнами между государствами. Война виртуализируется — она «идет по телевизору», и потому представления о войне искажаются.

- Мифология войны складывается из трех ключевых элементов. Военные операции, проводимые Россией, являются а) справедливыми, б) оборонительными, в) победоносными и триумфальными, г) превентивными. Все военные кампании, которые ведет сегодняшняя власть, — это, в изображении массовой пропаганды, прямые наследники Великой Отечественной, что снижает возможности критического осмысления происходящего и превращает любую критику войны в своего рода аморальный акт. Наконец, война стала частью торговли угрозами, позволяющей мобилизовать граждан на поддержку власти. Любые милитаристские начинания власти поддерживаются большинством россиян.
- Любые пропагандистские клише обычные люди воспроизводят с точностью до запятой, потому что, как правило, не могут самостоятельно сформулировать рациональные основания для милитаризации. Война с террором дополняет «благородный» облик оборонных усилий сегодняшней власти. Общим местом стало оправдание сирийской операции как превентивной, «уничтожающей террористов в их логове». Угроза террористических атак как результат этой операции не оценивается как реальная и не осмысливается.
- Постепенно война (или квазивойна) превращается в фоновую рутину; примерно так же воспринимается террор — несмотря на все страхи и веру в то, что вероятность терактов очень высока.
- Сохранение власти нынешним политическим классом и связанными с ним финансовыми группами предполагает, что уровень мобилизации и поддержки политического режима останется на сегодняшнем уровне, а значит, продолжится и перманентная война с «врагами», осаждающими «крепость Россию». Власть дискредитирует либералов как «пятую колонну», которая получает западное финансирование и желает поражения своему государству. Судя по результатам фокус-групп, такая логика не очень работает: либералы, в представлении респондентов, не слишком патриотично настроены, хотят смены политического режима в стране, но не войны.
- Несмотря на то что фокус-группы продемонстрировали некоторую противоречивость мышления россиян, «настоящей», «большой» войны они не хотят. Поэтому у милитаризации и милитаристской пропаганды есть предел.

Введение. Война в советском и постсоветском сознании *

В 1961 году культовый в то время поэт Евгений Евтушенко написал по-своему замечательное стихотворение «Хотят ли русские войны?». Песня композитора Эдуарда Колмановского в исполнении советского шансонье Марка Бернеса стала не только хитом, но и своего рода идеологическим объяснением вечно миролюбивой политики КПСС, согласно которой русские войны не хотят, но внешние обстоятельства все время войну провоцируют. Особое звучание эта песня приобрела на фоне разразившегося спустя год Карибского кризиса, притом что в стихах — точнее, в той их редакции, в которой песня исполнялась Бернесом, — содержалась прямая апелляция к вероятному противнику: «Не только за свою страну / Солдаты гибли в ту войну, / А чтобы люди всей земли / Спокойно ночью спать могли. / Спросите тех, кто воевал, / Кто вас на Эльбе обнимал / (Мы этой памяти верны), / Хотят ли русские войны»¹. В редакции, которая вошла в более поздние сборники стихов Евтушенко, на этом месте другая, тоже с «внешнеполитическим» акцентом, строфа: «Под шелест листьев и афиш / Ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж. / Пусть вам ответят ваши сны, / Хотят ли русские войны»². Та же логика лежала в основе ядерной политики Советского Союза — бомба считалась фактором сдерживания западных противников: без бомбы война стала бы неизбежной (что, собственно, вписывалось и в американскую доктрину сдерживания). «Если бы мы ее (атомную бомбу. — А. К.) не сделали, не было бы у нас этого разговора, батя. И половины человечества тоже», — говорил облученный физик Гусев в одном из самых главных шестидесятнических советских фильмов — «Девяти днях одного года» Михаила Ромма (1962).

---

* Эта работа была бы невозможна без деятельного участия коллег из «Левада-центра», и особенно Алексея Георгиевича Левинсона, руководителя отдела социокультурных исследований, с которым мы начали обсуждать тему войны на одном из карнегианских семинаров и пришли к выводу, что сюжет заслуживает специального — и максимально быстрого — исследования. Алексей Георгиевич лично провел по заказу Московского Центра Карнеги в декабре 2015 года две московские фокус-группы, протестировавшие восприятие россиянами террора и войны.

Идеологема, сформулированная Сталиным в 1930 году, а затем нашедшая свое стихотворно-песенное воплощение в «Марше советских танкистов» братьев Даниила и Дмитрия Покрасов и Бориса Ласкина — «Чужой земли мы не хотим ни пяди, / Но и своей вершка не отдадим», — тоже на долгие годы стала одной из ключевых для массового сознания.

И ее устойчивость — вплоть до сегодняшнего дня — не поколебала богатая событиями история советских вторжений в другие страны.

Парадоксальным образом все эти войны оценивались в доперестроечную эпоху и оцениваются сегодня снова как превентивные и оборонительные и даже служат косвенным оправданием нынешних крымской, донбасской, сирийской, турецкой кампаний. Горячая, холодная, гибридная, информационная, торговая вой-

ны ведутся под аккомпанемент старой советской поговорки «Лишь бы не было войны». И здесь нет парадокса. Потому что люди имеют в виду войну «большую», войну между державами. Все кампании последнего времени считаются лишь боевыми операциями, направленными на предупреждение «большой» войны.

В российской политической мифологии фраза «Лишь бы не было войны» — одна из ключевых. В истории СССР война и подготовка к ней были едва ли не базовым лейтмотивом политики, в том числе политики экономической. Имелось и богатое теоретическое обоснование — Ленин, ссылаясь на Энгельса, писавшего об оборонительных войнах, разработал вполне стройную теорию справедливых войн, которые ведет пролетариат. После Великой Отечественной — после Победы — с этой теорией, получившей моральное оправдание, стало сложно спорить (в 1960-е она трансформировалась в теорию справедливых революций, символом которой в официальной идеологии стала Куба).

Николай Вознесенский, председатель Госплана СССР и фаворит вождя, им же и уничтоженный, писал в работе «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1947): «Ленин и Сталин не раз предупреждали социалистическую родину о неизбежности исторических битв между империализмом и социализмом, готовили народы СССР к этим битвам. Ленин и Сталин разъясняли, что войны, которые ведет рабочий класс, победивший у себя буржуазию, в интересах своей социалистической родины, в интересах укрепления и развития социализма, являются законными и священными войнами»³.

Великая Отечественная война легитимировала власть Сталина — именно он, пусть и вместе с народом («русским народом», как было сказано в его знаменитом тосте 24 мая 1945 года), победил нацизм. Когда в героях войны Сталин усмотрел конкурентов и угрозу своей единоличной власти, День Победы стал обычным рабочим днем (с 1948 года).

В истории СССР война и подготовка к ней были едва ли не базовым лейтмотивом политики, в том числе политики экономической.

В брежневскую эпоху память о войне была основой (причем в большей степени, чем марксизм-ленинизм) легитимности советского режима эпохи застоя. Логика тех лет, как показали писатели и публицисты Петр Вайль и Александр Генис, была примерно такая: «Война — тот эталон, с которым можно сверяться ежеминутно. В отличие от Днепрогэса и колхозов, победу трудно рассматривать с разных сторон. Она есть — и точка. Все остальные вопросы — второстепенные»⁴. Так же рассуждал и Леонид Брежнев, когда беседовал с писателем Константином Симоновым, жаловавшимся на то, что его дневники 1941 года запрещены к изданию. По воспоминаниям Александра Бовина, работавшего в те годы спичрайтером Брежнева, генеральный секретарь говорил писателю: «Главная правда — мы победили. Все другие правды меркнут перед нею... Дойдет время и до твоих дневников»⁵.

До сих пор Великая Отечественная остается одной из основ легитимации режима Владимира Путина — политического режима, не имеющего образа будущего, питающегося соками славного прошлого и отождествляющего себя с ним. Отсюда и масштабное празднование 70-летия Победы в 2015 году, которое в отсутствие отказавшихся приехать западных лидеров стало своего рода торжеством изоляционизма по-русски⁶.

Под лозунгом «Лишь бы не было войны» осуществлялись милитаризация советской экономики и гонка вооружений, в результате чего Советский Союз подломился под бременем военных расходов. Существенную роль в кризисе Советского Союза сыграло решение о вводе советских войск в Афганистан. Как писал в книге «Гибель империи» Егор Гайдар, «решение о введении войск в Афганистан будет дорого стоить советскому режиму вплоть до последних лет его существования. Убитые в Афганистане солдаты и офицеры, горе их семей, инвалиды, и все это на фоне непонятной обществу войны — важный фактор подрыва основ легитимности режима. Но и экономически война стоила недешево»⁷. Гайдар приводит фрагменты из протоколов заседаний Политбюро ЦК КПСС, из которых следует, что поначалу советское руководство побаивалось прямого военного вторжения: Юрий Андропов, например, говорил, что «ввести свои войска — это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ»; но уже спустя несколько месяцев решение о вводе войск было принято⁸. Логика была примерно та же, что и у американцев во Вьетнаме, — сначала посылаются военные советники, потом оказывается помощь вооружениями и поддержкой с воздуха, а потом уже начинается полномасштабная война⁹.

Афганская война, безусловно, была для граждан позднего СССР и раннего постсоветского времени травмой. И до сих пор советское

До сих пор Великая Отечественная остается одной из основ легитимации режима Путина, питающегося соками славного прошлого и отождествляющего себя с ним.

вторжение в Афганистан оценивается пусть и меньшим числом людей, чем раньше, но все-таки как государственное преступление (44% в 2014 году против 69% в 1991-м). Но сегодня, по прошествии более четверти века, на фоне последовательного обеления всего советского периода и новых кампаний по применению силы, Афганская война перестает казаться россиянам политической авантюрой (количество согласных с этой точкой зрения с 1999 года по 2014 год упало на 13%). И чаще описывается как действия, предпринятые для защиты геополитических интересов СССР в противовес США. Рост здесь, правда, небольшой — всего 4%. Но надо понимать, что опрос проходил в феврале 2014 года, еще до присоединения Крыма и скачкообразного подъема патриотических настроений и новой конфронтации с Западом и США¹⁰. Притом что сразу после начала сирийской кампании существенное число респондентов сравнило ее именно с Афганской войной: 78% опрошенных не исключили того, что операция может перерасти в «новый Афганистан». И все же одобрение россиянами самих бомбардировок — очевидный факт. Решение Совета Федерации, разрешающее использовать российские войска за рубежом, в связи с началом сирийской операции в целом поддержали 46%¹¹.

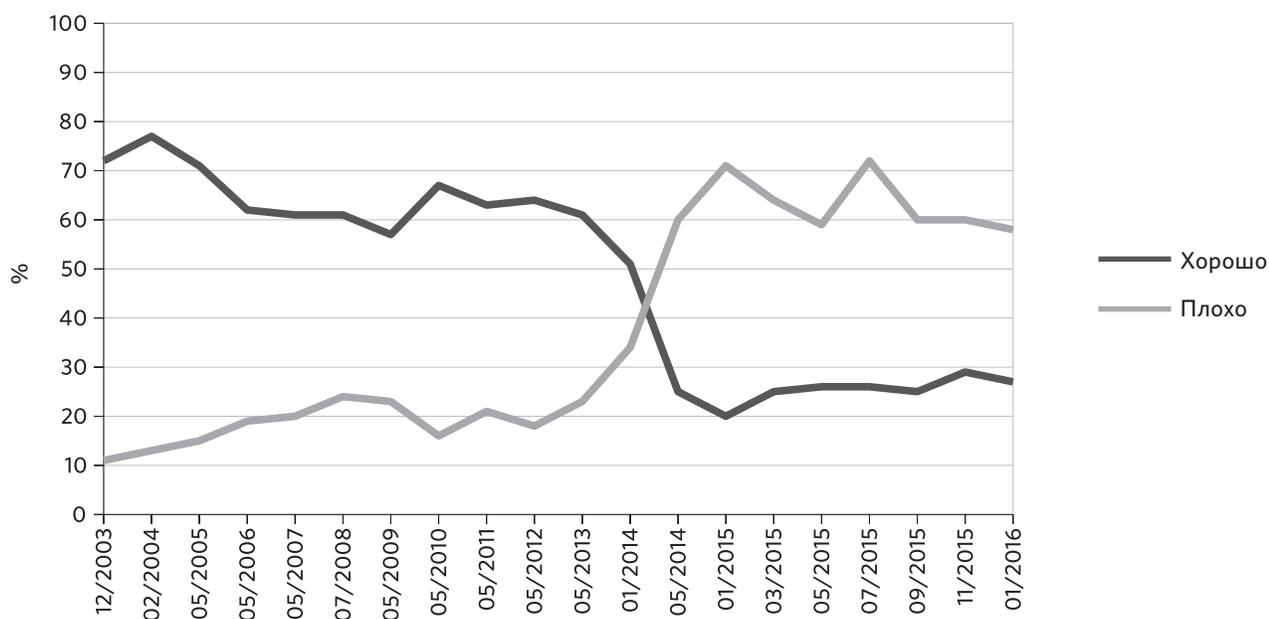
Социолог «Левада-центра» Алексей Левинсон объясняет это явление (равно как и то, что до начала сирийской операции военное вмешательство не было популярным у респондентов) тем, что общественное мнение, которому раньше, чтобы измениться, нужен был лаг примерно в два месяца, сейчас меняется стремительно, менее чем за неделю. И движется ровно в фарватере того, что говорит власть. Точнее, не столько власть как таковая, а персонифицированная во Владимире Путине. Алексей Левинсон не сомневается в беспрецедентной популярности нынешнего российского президента, несравнимой с популярностью других советских и постсоветских лидеров¹².

Продажа войны

В постсоветское время «традиционная» война и милитаризация, казалось бы, перестали быть актуальными, однако появились новые войны — например и в первую очередь, чеченские кампании. Беспощадность к чеченским боевикам стала одной из основ харизмы Владимира Путина. Так что война всегда присутствовала — открыто или латентно — в массовом политическом сознании россиян. Терроризм же вошел в повседневную реальность только после терактов, ставших предметом общественных дискуссий и резкой реакции власти, — 1999 (взрывы жилых домов в Москве), 2002 (захват Театрального центра на Дубровке) и 2004 (Беслан) годов. В 2015 году международный терроризм окончательно утвердился в официальной риторике в качестве врага номер один, а борьба

с ним оправдывала дистанционные и «превентивные» удары российской авиации в Сирии.

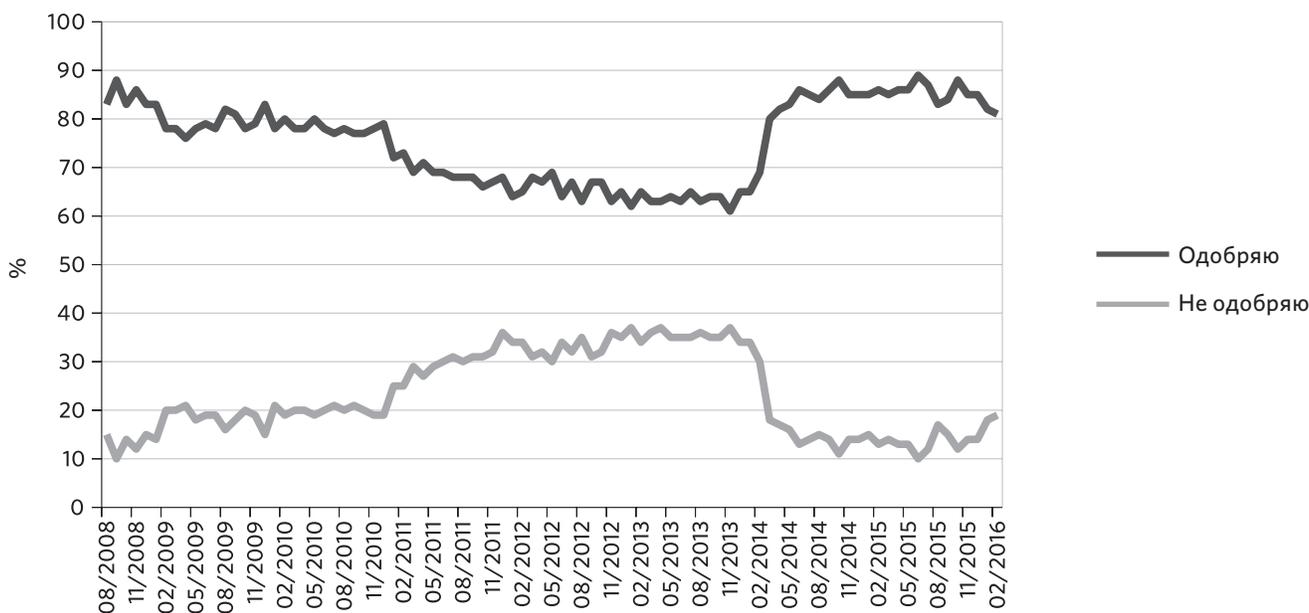
Впервые идея войны как эффективного средства мобилизации общественного сознания в поддержку власти была почти интуитивно нащупана во время российской «операции по принуждению к миру» в Грузии в августе 2008 года. Из приводимого ниже графика (отношение к Европейскому союзу (ЕС), декабрь 2003 года — сентябрь 2015 года) видно, что резкое ухудшение отношения к ЕС приходится как раз на конфликт с Грузией. А кривые плохого и хорошего отношения образуют крест в той точке, когда Россия присоединила Крым: кривая негативного отношения последовательно продолжает движение вверх, позитивного — вниз, а нагнетание эмоций происходит в том числе и во время украинского Майдана.

Рис. 1. Как вы в целом относитесь к Европейскому союзу?

Источник: «Левада-центр»

Рейтинг одобрения деятельности Владимира Путина свидетельствует о том же¹³. Сразу после грузинской кампании, в сентябре 2008 года, рейтинг тогдашнего премьера Путина (все понимали, что, несмотря на должность, именно он отвечал за решение о применении силы) вырос до 88%. Дальше он медленно, а потом все быстрее снижался. Это был период отсутствия агрессивности, взвинченного патриотизма, искусственно провоцируемых изоляционистских настроений. На этом спокойном фоне в декабре 2011 года рейтинг одобрения деятельности Путина опустился до 63%. Январь 2013-го, несмотря на то что в 2012 году Путин получил обновленный мандат на правление от народа, был отмечен показателем 62%. Январь 2014-го — умеренные 65%. Февраль, нагнетание ситуации вокруг Украины и уже Крыма, — 69%. Март — резкий скачок до 80%. Июнь на фоне войны на юго-востоке Украины — уже 86%. Дальше военно-патриотический фон держит рейтинг Путина выше 80%, с пиком в июне 2015-го в 89% и в октябре 2015-го (после начала сирийской операции) в 88%.

Рис. 2. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента (премьер-министра) России?

Источник: «Левада-центр»

Война стала фоном, повседневной рутинной в сегодняшней России. Что по-своему органично для страны — «осажденной крепости», чье руководство взяло курс на изоляционизм, готово оправдывать огромные расходы на оборону и безопасность и снижающийся уровень жизни происками «врагов», внешних и внутренних. Старые мифы были реанимированы очень быстро и обрели новую жизнь в массовом сознании. Войны (или «применения силы», или военные операции), которые ведутся ради того, чтобы «настоящей» войны не было, обладают следующими свойствами: победоносность (например, Крым «взят» без единого выстрела; война с ИГИЛ, запрещенной в России организацией, согласно официальной пропаганде, вообще не продвигалась до тех пор, пока не начались российские бомбардировки), триумфальность, легкость (формальное отсутствие жертв или их небольшое число; даже, как это ни дико звучит, живописность (знаменитый прогноз погоды в Сирии по каналу «Россия 24»: «Время для нее (операции. — А. К.) с точки зрения погоды было выбрано очень удачно»¹⁴), оборонительный и превентивный характер. Кроме того, пропаганда внедряла в сознание россиян идею, что военные действия 2014–2015 годов справедливы, так как являются частью нашей программы по обороне от врагов, в традициях Великой Отечественной.

Словом, процесс, который можно назвать продажей войны, прошел успешно. Следующий естественный вопрос: почему это работает?

Конец постгероической эпохи

Серьезный шаг к самоизоляции от западного мира был сделан современной Россией именно в области торговли — тогда, когда она ввела собственные санкции в ответ на ограничения, наложенные странами Запада в связи с конфликтом на Украине. Это ужесточение и ожесточение политики дополняло гибридную войну, которая уже шла на юго-востоке Украины¹⁵.

С момента присоединения Крыма российское политическое руководство опробовало разные формы войн и военных кампаний, присвоив к крымской операции гибридную войну на востоке Украины, бомбардировки в Сирии, масштабную пропагандистскую войну и войну торговую — контрсанкции против западных стран и санкции против Турции. Санкции и контрсанкции тоже встроены в логику войны — информационного, торгового и дипломатического противостояния с Западом. Даже в январе 2015 года, когда эффект санкций стал более чем очевидным для существенного числа граждан (34% респондентов отмечали, что санкции имели для них серьезные последствия, а 47% ждали от них серьезных проблем в будущем), преобладала следующая точка зрения: «Продолжать свою политику, невзирая на санкции» — так отве-

тили 69% опрошенных. Среди ответных мер самой популярной опцией были контрсанкции — 34%¹⁶. Но когда санкции стали рутиной, фоном жизни, уже всего четверть населения (27%) говорила о том, что санкции Запада создали для них серьезные проблемы, и лишь 29% опасались таких проблем в будущем. 58% были уверены в эффективности и «положительных политических результатах контрсанкций» — это данные августа 2015 года¹⁷. Получается, что в условиях полуизоляции России превращение санкционного противостояния в рутину, когда санкции стали чем-то обычным, естественным фоном жизни, привело к тому, что, в глазах российских респондентов, и в этой «войне» Россия победила. И санкционную «войну», противостояние прежде всего с Западом, стоит продолжать — решительно и последовательно.

«Девестернизации» российского массового сознания способствовало и психологическое оправдание войны в принципе, отчасти спровоцированное тем фактом, что Владимир Путин, как когда-то Екатерина II, занял Крым весной 2014 года без единого выстрела. Отсюда возникла иллюзия триумфальной легкости войны, которая, вообще говоря, на определенном этапе была исключена из европейского сознания — в Европе (но, заметим, не в СССР и США) произошла, по определению Ханны Арендт, «отмена войны»¹⁸.

О феномене современного восприятия войны в развитых странах в книге «Изобретение мира» писал британский историк Майкл Ховард, когда отмечал «общее для западных урбанизированных обществ нежелание нести тяжелые потери» и называл эту эпоху «постгероической»¹⁹. Но трудно увлечь такой идеей мир, где героизируется смерть за Пророка, где в Сирии ведется эффективная и вроде бы почти без жертв операция по применению силы, а безвестная гибель на полях Донбасса сравнивается с героизмом солдат Великой Отечественной войны. Поэтому и по-

лучается, что в современной России, где пропаганда, а вслед за ней и массовое сознание ставят знак равенства между государственной властью и страной, постгероическая эпоха либо никогда не наступала, либо закончилась. И потому на вопрос «Можно ли желать поражения собственному правительству?» большинство россиян отвечают — нет. Ощущение давления со всех сторон остается одним из самых главных, несмотря на то что на Россию никто нападать не соби-

рается (об этом речь пойдет ниже, когда мы будем оценивать результаты фокус-групп). Россияне готовы «покупать» идею войны, справедливой и оборонительной, и даже нести (и скрывать!) потери. «Крымское большинство» если и согласится с политическим обозревателем Семеном Новопрудским, ответившим на вопрос о поражении и правительстве: «Я не желаю поражения миру. Своему внутреннему и миру людей. Не

Россияне готовы «покупать» идею войны, справедливой и оборонительной, и даже нести (и скрывать!) потери.

хочу поражения человека и человеческого»²⁰, — то только с оговоркой, что за мир надо воевать...

Судя по всему, в ситуации нового мирового «беспорядка» торговая взаимозависимость и глобализация, «сладость коммерции» (*dox commerce* по Шарлю Монтескье) уже не страхуют от войн. Британский исследователь Кристофер Коукер, перефразируя затертую фразу Карла фон Клаузевица о войне как продолжении политики иными средствами, отмечает важное психологическое свойство современной войны, которое характерно и для тех операций, которые проводит Россия: «Война — это продолжение туризма иными средствами»²¹. Организованного туризма (интервенций), добавим мы.

Иногда это телевизионный, или виртуальный, «военный туризм».

Телевизионный пульт как инструмент «управления» войнами

С самого начала конфликта на Восточной Украине, да еще на волне крымской эйфории, миллионы людей были погружены в атмосферу войны просто потому, что сидели у телевизионного экрана. На фоне триумфального «взятия» Крыма казалось, что и эта война окажется столь же легкой, быстрой, не слишком кровавой. Многие думали, что расширение территории России возможно и за счет Юго-Востока Украины. Во всяком случае, на экране телевизора новый конфликт не казался опасным. Возможно, именно поэтому участие российских добровольцев в боевых действиях в мае 2014-го одобрял 61% опрошенных, в июне — 64%²². Прямое вмешательство в конфликт, то есть ввод регулярных российских войск, поддерживал в мае 31% респондентов, в июне — 40%²³. Тогда еще, вероятно, оставалась надежда на быстрое, легкое, триумфальное разрешение конфликта.

Характерно, что за три месяца — с апреля по июль 2014 года — взгляд на то, каким должен быть статус Юго-Востока Украины, серьезным образом поменялся: выросло число сторонников независимости Донецка и Луганска. Это хорошо видно в таблице 1.

С одной стороны, никаких сигналов от российских властей, от президента о том, каким должен быть статус юго-восточных территорий, не поступало. «Крымское большинство», привыкшее ориентироваться на мнение Владимира Путина, оказалось несколько дезориентированным. К тому же постепенно становилось понятно, что конфликт настоящий — затяжной и с жертвами. Кроме того, судя по всему, россияне начали задумываться о социальном и экономическом бремени войны и цене восстановления объектов инфраструктуры после нее.

Тем не менее ощущение справедливости военных действий и позиции президента никуда не исчезло. Что подтвердила история того же лета

Таблица 1. Что вы думаете по поводу политического будущего Юго-Восточной Украины (Донецкой и Луганской областей)? Какой из следующих вариантов вы бы предпочли?

Вариант ответа	апрель 2014	май 2014	июль 2014
Чтобы Юго-Восток Украины стал частью Российской Федерации	35	26	23
Чтобы Юго-Восток Украины стал независимым государством	25	36	41
Чтобы Юго-Восток Украины оставался частью Украины, но получил большую независимость от Киева	21	17	17
Чтобы Юго-Восток Украины оставался частью Украины на тех же условиях, как это было до кризиса	6	6	7
Затрудняюсь ответить	13	15	12

Источник: Ситуация на Юго-Востоке Украины. — Левада-центр. — 2014. — 29 июля // <http://www.levada.ru/old/29-07-2014/situatsiya-na-yugo-vostoke-ukrainy>.

2014 года со сбитым малайзийским «боингом». Абсолютное большинство россиян отказывалось верить, что пассажирский самолет был сбит сепаратистами, которых поддерживает российская сторона, — это явным образом входило в противоречие с представлением о вмешательстве в конфликт на юго-востоке Украины как деле безукоризненно справедливым. Согласно опросу «Левада-центра», проведенному почти сразу после этой трагедии, 46% опрошенных считали, что самолет был сбит из украинского ЗРК, 36% — что «боинг» сбил самолет ВВС Украины, 3% — ополченцы, 2% полагали, что самолет потерпел крушение в результате теракта, 1% — что за трагедией стоят российские военные, 16% затруднились с ответом²⁴.

В принципе, сформировавшиеся тогда представления о «правильных» интерпретациях событий закрепились в общественном сознании. Как и одобрение политики РФ по отношению к Крыму и Украине.

Сирийский кейс

Еще один характерный кейс изменения массового сознания — стремительная эволюция отношения к вмешательству России в сирийский конфликт. В сентябре 2015 года, незадолго до начала бомбардировок, идея поддержки режима Башара Асада как препятствия распространению ИГИЛ (запрещенная в России организация) находила понимание лишь у 22% респондентов. При этом прямая военная поддержка и вовсе была самой непопулярной опцией (14%).

После начала бомбардировок общественное мнение быстро начало меняться. 72% респондентов одобрили удары по позициям исламистов, а когда они начались, 47% согласились с тем, что Россия должна поддер-

Таблица 2. Как вы считаете, должна ли Россия оказывать руководству Сирии...

Вариант ответа	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затруднились ответить
Политическую и дипломатическую поддержку	24	43	12	8	14
Гуманитарную помощь	18	37	16	13	15
Военно-техническую поддержку (консультации, вооружение)	16	27	26	15	17
Экономическую помощь	13	28	25	15	20
Прямую военную поддержку (введение войск)	6	8	30	39	18
Принимать беженцев и оказывать им помощь	4	17	30	27	22

Источник: Война в Сирии: внимание, оценки, ИГИЛ. — Левада-центр. — 2014. — 28 сентября // <http://www.levada.ru/old/28-09-2015/voina-v-sirii-vnimanie-otsenki-igil>.

жать Башара Асада в его борьбе с исламистами и (что важно!) оппозицией²⁵. В ноябре 2015-го российские авиаудары в Сирии одобряли 55% респондентов²⁶.

Почему общественное мнение столь стремительно менялось? Операция в Сирии стала демонстрацией мощи России, подтверждением статуса великой державы. А стиль операции — применение силы далеко за пределами российской территории — напомнил времена СССР и превратил путинскую Россию еще и в геополитического игрока. На фоне всех военных операций, в том числе и сирийской, выросло доверие населения к армии: с 43% в 2013 году до 64% в 2015-м²⁷. Сирийская операция пока остается еще одной победоносной войной в ряду других успешных операций, к тому же инициированной и проводимой Путиным, сохраняющим необычайно высокую степень доверия и одобрения. Как указывает социолог Алексей Левинсон: «Попытки обратить внимание общественности на потери среди российских военнослужащих не только жестко пресекались официальными инстанциями, но и не получили сколько-нибудь заметного резонанса в обществе. Почему? Да потому, что войну в Донбассе общество желало представлять как повтор операции в Крыму, а там потерь не было. «Вежливые люди» сделали свое дело быстро и без шума. Операция в Сирии поначалу также отвечала всем этим требованиям: мы эффектно громили не очень понятного противника с неба и с моря — и снова без жертв, то есть безнаказанно»²⁸.

Угроза террора: еще один повод для доверия власти

83% респондентов «Левада-центра» в ноябре 2015 года ощущали тревогу по поводу возможных терактов в России²⁹. О том, что теракты могут произойти в ближайшее время — особенно после террористической атаки в ноябре 2015 года в Париже, — говорили 73% опрошенных (до терактов в Париже и над Синайским полуостровом, в октябре 2015 года, вероятность терактов признавали 48%).

Террористическая угроза, потенциальная связь катастрофы рейса «Когалымавиа» с сирийской операцией совершенно не поколебали поддержки власти населением. Скорее наоборот — с мнением «Спецслужбы России выполняют очень важную роль, и их нынешние полномочия вполне отвечают этой роли» в ноябре 2015 года согласились 59% респондентов; эту позицию, например, в 2007 году, когда уже был тяжелый опыт терактов в Москве, на Дубровке и в Беслане, разделяли 42% россиян³⁰. За 2015 год увеличилась степень доверия к органам безопасности: с 36% в 2013 году до 50% в 2015-м³¹. Это явление обусловлено, с одной стороны, общим ростом доверия к государственным институтам вслед за ростом доверия к президенту, а с другой стороны, в ситуации террористической опасности граждане видят в спецслужбах защитников. А защитникам — и это объяснимо психологически — доверяют. (Что показали и наши фокус-группы.)

После террористической атаки на российский самолет в Египте название модели «азробуса», разбившегося на Синае — А321, — могло бы стать для россиян символом, схожим с «9/11». Но, несмотря на то что российские власти официально признали версию теракта, в массовом сознании логическая связь между операцией в Сирии и мстью за нее в Египте если и возникла, то не поставила под сомнение необходимость продолжения сирийской кампании. Военные операции, «применение силы», войны живут в сознании россиян отдельно от страха перед терактами. Этот факт подтвердили фокус-группы. Об этом же свидетельствуют и количественные исследования: после катастрофы А321 только 3% респондентов полагали, что России следует сократить свое военное присутствие в Сирии и прекратить бомбардировки. 21% даже настаивал на усилении военного присутствия в Сирии, причем не в коалиции с западными государствами³².

О степени доверия спецслужбам свидетельствует и тот факт, что даже эвакуация российских туристов из Египта началась только после то-

го, как публике была представлена такая семантически убедительная конструкция, как «рекомендации ФСБ». До этих рекомендаций «ответственные элиты» оценивали, например, заботу британских властей о безопасности своих граждан на Синае как способ подразнить чем-то оскорбленную Россию. Так, председатель Комитета по международным делам Совета Федерации Константин Косачев в те дни заявил: «Идет геополитическое сопротивление действиям России в Сирии. Как это ни кошунственно звучит, в мире достаточно тех, кто предпочел бы эту катастрофу заведомо, без должных на то оснований, списать на ответную реакцию джихадистов в отношении России»³³.

А теперь самое время разобраться в нюансах — особенностях национального восприятия войны и террора на примере фокус-групп, проведенных по заказу Московского Центра Карнеги «Левада-центром».

«Мир живет под диктовку США»

Фокус-группы были проведены в Москве 21 декабря 2015 года. В одной участвовали респонденты в возрасте от 40 до 60 лет, во второй — от 20 с небольшим до 35 лет. Все это работающие, зарабатывающие люди, со средним или высшим образованием, которых по профессиональным признакам можно отнести к российскому среднему классу (Московский Центр Карнеги располагает аудиозаписями и транскриптами фокус-групп). Мы постарались успеть провести это исследование в декабре, чтобы празднование Нового года и длинные каникулы не исказили и не замылили впечатления от событий 2015 года, связанных с войной и террором.

Обе гендерно и профессионально разнообразные группы были единодушны в абсолютной поддержке нынешней власти, президента и его действий, в том числе огромных оборонных расходов, ведения боевых действий в Сирии, на Украине, санкций против Турции. Россия, в представлении респондентов, сильная держава, на которую со всех сторон, но безуспешно давят «враги». Целеполагание этого давления респондентам не очень понятно, но, по их мнению, участвуют в нем практически все, включая страны Восточной Европы, а на стороне «добра» оказываются Китай, Индия, даже Иран (!).

В полном соответствии с установками официальной государственной пропаганды, например, были усвоены и повторялись как мантра слова Путина об «ударе в спину» со стороны Турции, о торговле нефтью между «Исламским государством» и Турцией (в этот факт участники фокус-групп верят безоговорочно; вообще многие респонденты объясняют борьбой за нефть, поскольку углеводородное сырье в российской политэкономической мифологии решает все). «Наша» операция на востоке Украины считается успешной, но при этом российские солдаты называются «заблудившимися» (респонденты в точности воспроизво-

дят пропагандистское клише, явным образом избегая самостоятельной оценки) — два абсолютно противоречащих друг другу представления мирно уживаются. Война в Сирии — превентивная, затеянная для того, чтобы избежать проникновения террористов в Россию.

Таким образом, речь идет об абсолютно буквальном и некритичном цитировании пропагандистских штампов. Кроме того, широко распространенная информация иной раз совершенно выпадает из восприятия респондентов, как будто они отфильтровывают что-то неприятное. Например, никто ничего не слышал о высказываниях Путина по поводу приведения ядерных сил в боевую готовность³⁴. «Я думаю, — сказал один молодой респондент, — это было в юмористическом контексте».

Старшая по возрасту группа выражала свое доверие институту, который должен защитить граждан от терактов, — ФСБ. (О мотивах доверия спецслужбам мы говорили в предыдущей части.) Армия, по мнению респондентов, демонстрирует «мощь» страны. Главный враг России, в представлении участников фокус-групп всех возрастов, это США и их «прихвостни». Обоснований никто не дает — это выдается за аксиому. Основная террористическая угроза исходит от представителей «Исламского государства».

При этом все респонденты согласны с тем, что ИГИЛ (запрещенная в России организация) создано Соединенными Штатами, а затем просто вышло из-под их контроля. Ухудшение отношений России и Турции произошло тоже «с подачи США». Вообще — и такое мнение преобладает во всех возрастных группах — «мир живет под диктовку США», имеет место «агрессия со стороны Европы и Америки», вокруг нас «враги», и из-за этого «мы не можем продавать свою нефть достойно».

Важно понимать: рационально никто не смог обосновать заинтересованность США в поддержке терроризма и противостоянии России, но это не является предметом рефлексии для участников фокус-групп — звучат лишь робкие оценки («чтобы подорвать стабильность, доверие российского народа к правительству»). Только один человек, девушка 23 лет, работающая экономистом-аналитиком, высказывала мысли, резко контрастировавшие с мнением абсолютного большинства. Среди прочего она говорила следующее: «Надо хвалиться низкой смертностью, надо хвалиться уровнем образования, достатком, а не тем, что на наши налоги бомбят каких-то бедных людей». В конце разговора она даже сказала о том, что ей было неприятно попасть в идейно чуждую среду.

Терактов респонденты исследования боятся. Мнения по поводу того, выше или ниже их вероятность именно в Москве, противоречивы: одни говорили, что столица спокойнее с точки зрения безопасности именно потому, что это главный город страны (да и штаб-квартира ФСБ здесь расположена), другие, напротив, утверждали, что Москва в силу ее статуса может стать главным объектом террористических атак. В «молодеж-

ной» группе некоторые участники поддержали меры властей по ограничению митинговой активности, поскольку большие скопления людей могут привлечь террористов. Больше всего респонденты опасаются терактов в метро (стараются, например, не садиться в первый и последний вагоны). Тем не менее угроза террора рутинизировалась — просто стала фоном повседневной жизни.

Среди главных событий года наряду с сирийской операцией и ухудшением отношений с Турцией респонденты часто называли падение рубля и ухудшение экономического положения в стране. Но практически никто, за вычетом двух-трех участников, не усматривает связи между внутри- и внешнеполитическими решениями и экономическими проблемами.

Как мы отмечали выше в настоящей работе, все происходившее в Крыму, на юго-востоке Украины, в Сирии не оценивается как война (хотя само слово употребляется). Во всяком случае, как «настоящая» война. Пример такой логики: «Крым остался наш, и хорошо, что без войны». Или: «Минские соглашения будут выполнены, если, конечно, Порошенко не начнет войну».

Все, что делает российское руководство, объясняется старым, живучим советским клише: «Чтобы был мир на земле». Кроме того, войны наши действительно справедливые и оборонительные: «Мы же не атакуем, мы защищаемся». Да и мощь наша выросла, есть что показать миру. Кроме того: «Такой огромной стране просто нельзя иметь слабые вооруженные силы». Теперь слава русского оружия возвращается, и это оценивается респондентами как достижение Путина. «Война, — сформулировал один из участников, — это защита интересов слабых».

Война явно не считается чем-то опасным, скорее это легкая триумфальная прогулка. Такую точку зрения подтверждает следующий диалог в «молодежной» фокус-группе.

Модератор:

— Антон, что же вы поставите в упрек нашей внешней политике?

— Мне все-таки кажется, что мы недостаточно жестко на Турцию среагировали, на этот инцидент. Вот это вот недостаток.

М.:

— А что надо было сделать?

— Я думаю, что нужно было... *(Пауза.)* Ну, на самом деле я считаю, что НАТО не поддержало бы Турцию и что нужно было бы поагрессивнее ответить, среагировать.

М.:

— Ну, конкретно?

— Конкретно — вооруженным каким-то, может быть, действием.

М.:

Все происходившее в Крыму, на юго-востоке Украины, в Сирии не оценивается как война — во всяком случае, как «настоящая» война.

- А именно?
- (*Женский голос, тихо.*) Бомбить Стамбул?
- Именно? Сложно сказать.

Респонденты видят угрозу в абстрактном «халифате». То есть источник войны и террора — это преимущественно радикальный ислам. К мусульманам респонденты испытывают высокую степень недоверия. (Вместе с тем, например, мигрантов, при общем недоверии к ним, скорее считают «рабочей силой».) Чечня и Дагестан, отмечают участники фокус-групп, «держатся на честном слове». То, что происходит, один из респондентов, смешав мифологический советский язык и националистический дискурс, назвал так: «Вредительство массового масштаба с уничтожением русского народа».

Сирийскую операцию участники фокус-групп полностью одобряют, воспроизводя пропагандистские клише с точностью до буквы — «территория освобождается», «показали миру современное оружие». При этом рефреном звучит утверждение: войны мы не хотим, сухопутная операция в Сирии не нужна, «пускай воюют сирийцы» (вероятно, историческая память об Афганской войне хотя и слабеет, но все еще сильна — вспомним уже анализировавшееся нами количественное исследование по Афганистану³⁵). Респонденты не считают, что в связи с авиаударами в Сирии террористическая угроза внутри России увеличится. Это находится в некотором противоречии с тем, что, как уже говорилось, терактов респонденты боятся. (Подробнее причины этого явления мы рассмотрели выше, анализируя результаты количественных исследований.)

Вопрос о снижении цены человеческой жизни, об аморальности войны не стоит. Стабильность — важнее.

На деликатный вопрос, надо ли скрывать в мирное время (раз уж оно мирное) боевые потери, участники фокус-групп дают положительный ответ. Причем в выражениях, которые на первый взгляд могут показаться парадоксальными: «чтобы паники не было»; «народ будет возмущаться»; «народ будет выступать против войны и правительства». Войны-то вроде нет, но само слово снова и снова проскальзывает в рассуждениях.

При этом абсолютной ценностью в оценке последних лет остается «стабильность» — надо, чтобы не было возмущений, манифестаций, любых проявлений социально-политического беспокойства. Вопрос о снижении цены человеческой жизни, об аморальности войны и проч. для респондентов не стоит. Стабильность, неизменность политического режима — важнее.

Несмотря на то что респондентов беспокоит ситуация в социальной сфере и особенно в здравоохранении, они с пониманием относятся к масштабным расходам государственного бюджета на оборону. И, отвечая на

вопрос, в каких пропорциях они бы распределили деньги, как правило, 50% все равно отдают оборонным статьям в ущерб образованию и здравоохранению. Здесь работает и психология «осажденной крепости» — жизнь во враждебном окружении, и старое клише, что такая страна, как Россия, не может существовать без мощных вооруженных сил. Особенно сейчас, когда она, в глазах большинства россиян, восстановила статус великой державы и геополитического игрока.

Не встречает понимания предположение, что, затевая войны, власть пытается отвлечь граждан от экономических проблем: респонденты, несмотря на то что сами признают значительные объемы военных расходов, повторяют все пропагандистские мифологемы об «уничтожении врага на подступах» и не видят здесь никакого подвоха и никакой связи.

В ходе фокус-групп мы проверяли гипотезу, согласно которой оппозиция в России в восприятии россиян может оказаться пособницей террористов. Однако, притом что отношение к оппозиции плохое и считается, что ее финансируют США, никто не видит в ее представителях потенциальных террористов. Это все-таки «русские люди», не мусульмане, нередко весьма уважаемые (один из молодых респондентов нарисовал оппозиционера в хорошем костюме), богатые («Ходорковский денежек намыл»; «грабят награбленное»). Мало кто из участников фокус-групп, вне зависимости от возраста, слышал и понимает значение слова «национал-предатели» и выражения «пятая колонна» (некоторые его даже услышали впервые). Отношение к оппозиции отличается иной раз парадоксальностью, которую сами респонденты, по своему обыкновению, не замечают: «Навальный получает деньги от Америки, но говорит правду». Есть и такое мнение: «Они предлагают поменять власть в стране. Я с этим не согласен, потому что меня она устраивает».

Симптоматичен такой диалог модератора с респондентом об оппозиции. Модератор просит нарисовать абстрактного оппозиционера.

М.:

— Ладно. Дима, пожалуйста?

— Ну, у меня человек с американским флагом вместо головы. Я думаю, что оппозиционеры очень сильно равняются на Америку, хотят красивой жизни, чтобы все в один момент просто стали жить красиво, вот, ну и часть из них спонсируется плюс Америкой.

М.:

— Хотели бы, чтобы кто жил красиво?

— Ну да все.

М.:

— Все. И это плохо?

— Да нет, это хорошо. Но в один момент же не сделаешь такого, чтобы раз — и вся страна вдруг стала жить в достатке и красиво.

М.:

— И Америка дает им деньги на то, чтобы в России жили красиво?

— Нет-нет-нет, на проведение митингов, акций там и так далее там, оппозиции.

М.:

— Но эти митинги и акции ради того, чтобы здесь жили красиво?

— Нет, это их желание, они равняются просто на Америку.

М.:

— Ну? (*Пауза.*) А зачем Америка им деньги-то дает?

— Не знаю.

М.:

— Понятно.

— Не знаю. Путина свергнуть, другую политику устроить, своих людей продвинуть к власти и так далее.

М.:

— А вот эта идея жить красиво — она куда там?

— Ну, сами, ..., как сказать-то...

На вопрос, надо ли ограничивать свободы в связи с усилением террористической опасности, респонденты отвечают по-разному (например, допускают ограничение свободы в интернете — и это в «молодежной» группе!), но в принципе отказываться от своих прав, в том числе свободы пересечения государственной границы, совершенно не готовы.

Мифология перманентной войны

Подведем итоги.

Современному российскому политическому режиму удалось вернуть войне мифологический «героизм», помочь ей обрести ореол справедливости, убедить население собственной страны, что парадоксальным образом агрессия — это оборонительная война (точнее, даже не война, а череда военных операций), ибо осажденную крепость нужно защищать. В такой ситуации у жителей крепости — а на самом деле ее заложников — развивается по отношению к ее коменданту стокгольмский синдром.

Идет война — одновременно горячая, гибридная и холодная — под лозунгом «Лишь бы не было войны». Таковы парадоксы постсоветского сознания. И это единственное, что заполняет пустоту — политическую бессодержательность персоналистского режима, который свою легитимность ищет не только в победах прошлого, например в Великой Отечественной, но и в поражениях — как в Финской кампании 1939–1940 годов.

Война заменяет и «холодильник», и «телевизор». Главное, чтобы внимание «обороняющейся нации» ни в коем случае не переключалось

лось на текущие социальные и экономические проблемы, которые во многом и являются следствием войны, хотя бы те же самые огромные оборонные расходы в ущерб человеческому капиталу. Гибель советской империи под бременем таких расходов ничему не научила тех, кто считает себя ее прямыми наследниками. Впрочем, судя по результатам фокус-групп, экономические проблемы респонденты отделяют от военных вопросов. Так что, в сущности, ради того, чтобы сохранить высокий рейтинг первого лица, внимание с экономических проблем переключать необязательно.

Тем не менее перманентная фоновая война — для нынешних элит, которым нечего предьявить публике, кроме бомбардировок, — это основной способ сохранения себя во власти. Элиты, согласно пропагандистской модели, ведут войны а) справедливые, б) самозащитные, в) победоносные, г) превентивные. Так, к разряду превентивных войн в этой логике можно отнести уже упоминавшуюся Финскую кампанию, которую президент России фактически оправдал на встрече с участниками учредительного съезда Российского военно-исторического общества³⁶. И это несмотря на позорный характер «той войны незначительной» (как писал Александр Твардовский³⁷), бессмысленность и чрезмерность жертв, ее агрессивный характер и итоговую неудачу.

Проблема в том, что цель — сохранение власти — может потребовать продолжения военного «банкета» в жанре триумфального шествия. Остановиться после Крыма, Донбасса, Сирии, Турции у этого механизма если и получится, то с большим трудом. Операция в Сирии не помирила Россию с Западом и создала угрозу столкновения с Турцией — членом НАТО. Это важно для мобилизации граждан вокруг власти, но очень мешает нормальному развитию страны.

При этом, безусловно, несмотря на всю противоречивость и парадоксальность мышления, продемонстрированную в том числе фокус-группами, россияне не хотят войны, то есть «настоящей» войны — государств с государствами, ядерной. Поэтому у милитаризации и милитаристской пропаганды есть свои пределы. Тем не менее военный дискурс власти, применение ею силы, оборонные расходы будут поддержаны большинством населения как часть сохранения важнейшей для массового сознания ценности «стабильности» и вновь обретенного статуса (и чувства) великой державы с ее военной и геополитической мощью.

Примечания

- 1 «Хотят ли русские войны». Музыка Э. Колмановского, стихи Е. Евтушенко, исполняет М. Бернес // <https://www.youtube.com/watch?v=yU54x55AJUg>.
- 2 *Евтушенко Е.* Собрание сочинений. В 3 томах. — Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1952–1964. — М.: Художественная литература. — 1983. — С. 315.
- 3 *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — М.: Госполитиздат. — 1948 (http://militera.lib.ru/h/voznensensky_n/pre.html).
- 4 *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. — М.: Новое литературное обозрение. — 1996. — С. 92.
- 5 *Бовин А.* XX век как жизнь. Воспоминания. — М.: Захаров. — 2003. — С. 139.
- 6 *Зыгарь М.* Вся кремлевская рать. Краткая история современной России. — М.: Интеллектуальная литература. — 2016. — С. 139–140.
- 7 *Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. — М.: Росспэн. — 2006. — С. 184.
- 8 Там же, с. 183.
- 9 The Pentagon Papers. The Secret History of the Vietnam War, as published by The New York Times, based on investigative reporting by Neil Sheehan. — Bantam Books, Toronto, New York, London. — 1971. — P. XI; *Halberstam D.* The Best and the Brightest. — A Fawcett Crest Book, Greenwich, Connecticut. — 1973. — P. 97.
- 10 Афганская война 1979–1989 годов. — Левада-центр. — 2014. — 13 февраля // <http://www.levada.ru/2014/02/13/afganskaya-vojna-1979-1989-gg/>.
- 11 Участие России в сирийском конфликте. — Левада-центр. — 2015. — 8 октября // <http://www.levada.ru/2015/10/08/uchastie-rossii-v-sirijskom-konflikte/>.
- 12 Из беседы автора с Алексеем Левинсоном.
- 13 Одобрение деятельности Владимира Путина // <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>.
- 14 Прогноз погоды на телеканале «Россия 24». — 2015. — 4 октября // <https://www.youtube.com/watch?v=dwcNgxYhKvg>.
- 15 Андраш Рац, исследовавший феномен гибридной войны на Украине, отмечает, что специалисты по современным войнам выделяют «войну прямого действия» (direct warfare) и «войну непрямого действия» (indirect warfare), цель которой состоит в достижении не прямых результатов, то есть в «выматывании противника, но не полном уничтожении его сил или захвате вражеской территории». Термин «гибридная война», как отмечает Рац, впервые употребил Уильям Немет, имея в виду сочетание регулярных

- и иррегулярных сил, вовлеченных в войну, на примере чеченского конфликта. В дальнейшем самые разные исследователи указывали на такие свойства гибридной войны, как сочетание политических, военных, экономических, социальных, информационных, террористических, криминальных способов ее ведения при участии государственных и негосударственных акторов. См.: *Racz A. Russia's Hybrid War in Ukraine. Breaking the Enemy's Ability to Resist.* — FIIA Report 43. — The Finnish Institute of International Affairs, Helsinki. — 2015. — PP. 18–19, 26, 31.
- 16 Санкции Запада: последствия и реакция. — Левада-центр. — 2015. — 3 февраля // <http://www.levada.ru/old/03-02-2015/sanktsii-zapada-posledstviya-i-reaktsiya/>.
  - 17 Восприятие событий на востоке Украины и санкций. — 2015. — 31 августа // <http://www.levada.ru/old/31-08-2015/vospriyatie-sobytii-na-vostoke-ukrainy-i-sanktsii/>.
  - 18 *Арендт Х.* Люди в темные времена. — М.: Московская школа политических исследований. — 2003. — С. 110. *Arendt H.* Men in Dark Times. — Harcourt, Brace & Co. New York. — 1968.
  - 19 *Ховард М.* Изобретение мира. Размышления о войне и международном порядке. — М.: Московская школа политических исследований. — 2002. — С. 99. *Howard M.* The Invention of Peace. Reflections on War and International Order. — 2000.
  - 20 *Новопрудский С.* Вопрос военного времени. — Газета.ру. — 2015. — 11 декабря // <http://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/7950779.shtml>.
  - 21 *Coker C.* Can War be Eliminated? — Polity Press. — 2014. — P. XII.
  - 22 Россияне об украинских событиях. — Левада-центр. — 2014. — 27 июня // <http://www.levada.ru/old/27-06-2014/rossiyane-ob-ukrainskikh-sobytiyakh/>.
  - 23 Там же.
  - 24 Крушение «боинга»: россияне винят украинскую армию. — 2014. — 1 августа // <http://www.levada.ru/2014/08/01/krushenie-boinga-rossiyane-vinyat-ukrainskuu-armiyu/>.
  - 25 Участие России в сирийском конфликте. — Левада-центр. — 2015. — 8 октября // <http://www.levada.ru/old/08-10-2015/uchastie-rossii-v-siriiskom-konflikte/>.
  - 26 *Левинсон А.* Наше «мы»: Глядя в лицо опасности. — Ведомости. — 2015. — 24 ноября (<http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/11/24/618020-glyadya-litso-opasnosti>).
  - 27 Россияне стали больше доверять армии. — Левада-центр. — 2015. — 7 октября // <http://www.levada.ru/2015/10/07/rossiyane-stali-bolshe-doveryat-armii/>.
  - 28 Почему «война» так притягательна для россиян? — Левада-центр. — 2015. — 17 ноября // <http://www.levada.ru/2015/11/17/pochemu-vojna-tak-prityagatelna-dlya-rossiyan/>.
  - 29 Теракты в Париже и ожидание терактов в России. — Левада-центр. — 2015. — 26 ноября // <http://www.levada.ru/2015/11/26/terakty-v-parizhe-i-ozhidanie-teraktov-v-rossii/>.
  - 30 Там же.
  - 31 Россияне стали больше доверять армии. — Левада-центр. — 2015. — 7 октября // <http://www.levada.ru/2015/10/07/rossiyane-stali-bolshe-doveryat-armii/>.

- 32 Теракты в Париже и ожидание терактов в России. — Левада-центр. — 2015. — 26 ноября // <http://www.levada.ru/2015/11/26/terakty-v-parizhe-i-ozhidanie-teraktov-v-rossii/>.
- 33 Лондон в панике эвакуирует британских туристов из Египта. — Российская газета. — 2015. — 5 ноября (<http://www.rg.ru/2015/11/05/londin-site.html>).
- 34 Путин о Крыме: допускали приведение в готовность ядерных сил. — РИА «Новости». — 2015. — 15 марта (<http://ria.ru/politics/20150315/1052648899.html>); *MacFarquhar N.* Putin Says He Weighed Nuclear Alert Over Crimea. — New York Times. — 2015. — March 15 (http://www.nytimes.com/2015/03/16/world/europe/putin-says-he-weighed-nuclear-alert-over-crimea.html?_r=0).
- 35 Афганская война 1979–1989 годов. — Левада-центр. — 2014. — 13 февраля // <http://www.levada.ru/2014/02/13/afganskaya-vojna-1979-1989-gg/>.
- 36 «Мы сейчас не будем давать оценок по поводу того, правильно или неправильно действовало советское руководство в 1939 году с политической точки зрения. Хотя при самом беглом анализе можно сделать вывод о том, что все-таки государственные границы в 17 километрах или в 20 километрах от Петербурга — это в общем и целом достаточно большая угроза для пятимиллионного города. И думаю, что большевики того времени пытались исправить исторические ошибки, которые наделали в 1917 году, после того как воспользовались вооруженной поддержкой со стороны финских вооруженных формирований, входивших тогда в русскую армию, но поддерживавших, как известно, в значительной своей степени оказавших влияние на исход октябрьского восстания, переворота. Потом опомнились: граница-то рядом, договориться уже не смогли и пошли на эту войну». Из выступления Владимира Путина на встрече с участниками учредительного съезда Российского военно-исторического общества 14 марта 2013 года. См.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17677>.
- 37 «Две строчки» — одно из самых потрясающих военных стихотворений Твардовского, написанное в 1943 году, неожиданное воспоминание в разгар действительно справедливой войны о бессмысленной гибели совсем молодого солдата в Финскую кампанию: «Из записной потертой книжки / Две строчки о бойце-парнишке, / Что был в сороковом году / Убит в Финляндии на льду. <...> Мне жалко той судьбы далекой, / Как будто мертвый, одинокий, / Как будто это я лежу, / Примерзший, маленький, убитый / На той войне незначительной, / Забытый, маленький лежу». См.: *Твардовский А.* Стихотворения. — М.: Современник. — 1975. — С. 209.

Московский Центр Карнеги

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир **Московский Центр Карнеги** начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основной задачей которой является содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Являющийся первой глобальной научно-исследовательской организацией Фонд Карнеги имеет отделения в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе и Соединенных Штатах Америки. Среди пяти городов, где находятся отделения Фонда, — два ведущих центра мировой политики и три столицы, политическое развитие и международная политика которых в наибольшей степени будут определять возможность обеспечения международного мира и экономического развития на ближайшее будущее.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ

**Война и террор в восприятии россиян
эпохи осажденной крепости**

Андрей Колесников

Редактура и корректура бюро ТХТ (www.txtburo.com)

Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский

Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Фото на обложку РИА НОВОСТИ

Подписано к печати 14.03.2016

Формат 60x90 1/8.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,5

Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935 8904

Факс: + 7 495 935 8906

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»

129090, Москва, Протопоповский переулок, д. 6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

 МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru